

Глава 1

НА СУД

Небо над Брасо-Дэнто было затянуто свинцовыми тучами. Беспреданно лил сильный дождь. Изредка он прекращался, давая жителям короткую передышку, а после начинал лить с новой силой, отчего вниз по улицам устремлялись настоящие реки. И горе тому, кто оказывался на их пути! Лишь благодаря уклону город оставался незатопленным, пока в других областях Солрага все плыло: переполненные водоемы выходили из берегов, а сели спускались с гор, разрушая все на своем пути.

За этой тоскливой панорамой Уильям наблюдал из окна спальни. Он вспоминал матушку, брата и его жену, а также соседей из Больших и Малых Вардов. У матушки вот-вот должны начаться приступы болезни. Значит ли это, что она не переживет грядущую зиму? Ведь готовить травяные отвары больше никому. Вспоминалась ему и черноволосая Линайя, чей серебряный браслетик покоился в холщовом кошельке. Однако ее образ, эти смеющиеся глаза, в которых плясали чертята, становился все более размытым, а браслет доставался из кошелька все реже. Любил ли он Лину? Или она просто заменила ему Вериатель?

Так он и дальше вспоминал бы свое прошлое, но его размышления прервал стук в дверь. Отворив, Уильям увидел графа.

— Пойдем со мной, — сказал тот и сделал приглашающий жест. — Выдвигаемся утром. Перед долгой дорогой следует поесть.

Они пошли по коридорам, где колыхался мрак. Замок вздрагивал, будто не от стихии, а от энергичных шагов графа. Тот был в походном костюме. Сквозь шнуровку стеганого балахона, доходящего до колен, проглядывала кольчуга, а с левого бока свисала небольшая сума, где лежали письма, печати и кольца. Уильям и Филипп спустились по мокрым от подземных вод ступеням и прошли общее отделение, на удивление почти пустое. Там сидели всего трое дрожавших от сырости заключенных.

— А почему так пусто? — удивился Уильям.

— Во-первых, мы уезжаем надолго, и здесь остается не так много вампиров. А во-вторых, осенью это отделение тюрьмы подтапливает — и людей косит лихорадка, — ответил ему граф.

Перед входом в черный коридор, где располагались камеры-комнаты, как обычно, дремал охранник. Услышав приближающиеся энергичные шаги, он живо распознал в них хозяина, поэтому подскочил и отвесил глубокий поклон.

— Сколько там? — спросил Филипп.

— Осталось трое, в дальней! — ответил стражник.

Филипп и Уильям прошли коридор до самого конца, ступая сапогами по тонким лужам. Граф откинул засов и распахнул обитую ржавым железом дверь. Изнутри пахло заплесневелой влагой и человеческим духом. Это было все то же узилище, где прежде находилась тройца братьев-насильников, и, как тогда, вдоль стен на подстилках сидели трое мужчин в кандалах.

— Лугос? Право, не ожидал вас здесь увидеть, — удивился граф, взглядываясь в угол.

Пожилой мужчина, которого назвал граф, вскинул голову и тяжело поднялся с лежанки. Его плечи укрывал дорогой плащ

из синего сукна, который выдавал в нем весьма состоятельного человека.

— И вам здравствуйте, господин Тастемара.

Понимая, что такому обеспеченному горожанину здесь не место, Филипп вернулся в коридор, где достал из-за прикрепленной к стене доски сырой пергамент.

— Ах вот оно что... — произнес он, вчитываясь. — Как же вы так, уважаемый Лугос, не смогли сдержать себя в руках?

— Я и не собирался держать себя в руках, — мрачно буркнул купец, смахивая лишь ему видимые пылинки с плеча. — Узнай вы о том, что ваша жена изменяла вам пару десятков лет с вашим торговым компаньоном, а потом еще и понесла от него, выдав рожденного ублюдка за вашего сына, — вы б не закололи ее?

— Кто знает. Но мальчика-то за что?

— Потому что он не мой сын! Угробить двадцать лет, чтобы одеть, обусть, уму-разуму научить и купить дом у Вороньего камня. Да кому! Сыну того, кого называл другом! А я ведь верил этой блуднице, хотя и видел, что Обрахам не похож на меня ни капли! Эти женщины — подлые существа!

— Ох, Лугос, Лугос... — пробормотал задумчиво Филипп, вкладывая сырой лист бумаги обратно в деревянный карман. — С таким талантом к торговле, с таким умом и дальновидностью — и столь недалновидно окончить свою жизнь в тюрьме, убив собственную жену, сына, пусть и неродного, и зарубив торгового компаньона...

— Будь у меня выбор, я бы убил их всех снова! Одного не понимаю, — и купец нахмурился, — почему моя голова до сих пор не скатилась с плахи? Смертный приговор должны были привести в исполнение два дня назад. Я обращался к тюремщику, но он глух и туп. А когда вы явились сюда, я уж было решил, что оправдан вами, своим покровителем... Но, кхм, оказалось, вы даже не в курсе, что я заточен здесь... Так почему я еще жив?

— Это мы сейчас поправим, — вполголоса заметил граф. Потом обернулся к своему подопечному.

— Уильям, бери правого! — показал он на одного узника, а сам направился к другому.

Дальше Уильяму осталось лишь вздрогнуть, потому что в движениях графа не было промедления. Едва различимый глазу в этом мраке, он в мгновение оказался рядом с ничего не понимающим заключенным, хищно выкинул вперед руку — и тот тут же отдал Ямесу душу. Смерть пришла тихо, расчетливо, и, быть может, это было лучшим ее даром. Филипп притянул к себе не успевшую даже вскрикнуть жертву, чья голова неестественно свесилась, и так же неестественно навис над ней. Его почерневшие глаза укрылись за седыми волосами. Пил он без промедления, не находя за свою столь долгую жизнь в этом уже ни игры, ни сладкого удовольствия, а только сухую необходимость.

В узилище стояла тишина.

Лишь позже Уильям сообразил, что для человеческого глаза все происходившее осталось незамеченным. Узники удивленно глядели на две странно застывшие во тьме фигуры, пока до них наконец не дошло, что происходит. Купец Лугос сдержанно смолчал, смертельно побледнев, а второй истошно и протяжно завыл от страха, как чувствующая гибель собака, — и этот вой показался Уильяму оглушающе неприятным. Будто он прокатился по всему замку, залетел в каждую комнату, вылетел в окно и полетел в город, рассказывая обо всех ужасах, что творятся в подвалах. Желая заглушить этот страшный звук, Уильям в замешательстве кинулся к воющему и попытался вслед за графом принести узнику такую же скорую смерть. У него вышло лишь отчасти, и в конце концов, после непродолжительной, но неуклюжей борьбы, он все-таки присоединился к трапезе, невольно впитывая вместе с кровью и воспоминания.

Остался только один Лугас. Вжавшись спиной в стену, он в безмолвии наблюдал за действиями двух вампиров. У него дрожали руки, по лбу стекал холодный липкий пот, но вздрогнул он лишь тогда, когда тело первого простолюдина шлепнулось на солому. Бледный, с окровавленным ртом граф повернулся к нему и глянул из-под бровей.

— Я давно полагал, что ваше долголетие... это результат сделки с демоном Граго... — дрожащим голосом проговорил купец, но продолжил стоять ровно, стараясь не показать страха. — С тем демоном, который дает золото, бессмертие, любовь или еще что-нибудь в обмен на душу. Теперь я вижу, что вы и сами демон... Полагаю, я следующий?

— Да, вы следующий, — сказал граф. Достав платок, он вытер кровь с губ. — Но это сделаю не я...

На пол упал второй крестьянин, иссушенный до последней капли. Шатающийся Уильям привычно вытер губы рукавом, стараясь не глядеть на графа и уж тем более на оставшегося Лугоса, который упоительно пах кровью.

— Он твой, — негромко сказал Филипп.

— Я сыт, господин Тастемара... — неуверенно ответил Уильям.

— Нет, одного тебе мало, потому что мы сможем поесть лишь через неделю в поселении рядом с границей Глеофа, — качнул головой Филипп. — К тому моменту, если сейчас не напиться, ты начнешь недобро посматривать в сторону моих гвардейцев. А мне это не нужно. Пей!

Уильям и Лугос переглянулись. Чувствуя, как в узилище пахнет кровью, как поднимается приятное чувство ненасытной жажды, Уилл сделал все быстро. Ему понимающе поддались... Купцу стоило отдать должное... Попытки помешать начались, когда человеческие выдержка и храбрость уступили мимолетной надежде ухватиться за последний выступ жизни, нависающий над пропастью забвения. Однако Лугос не смог долго противиться, как бы того ни желал... Его обессиленные пальцы разжались — и он рухнул во тьму...

* * *

Чуть позже граф протянул идущему за ним вампиру чистый платок. Они возвращались. Уильям начал замечать, что эти подвалы все меньше пугают его и все более становятся неприятно привычны.

— Ты видел воспоминания? — спросил граф, когда они вдвоем поднимались по ступенькам назад.

— Видел.

— И как ты считаешь, Лугос был прав, когда убил трех людей?

— Тяжело сказать, господин. То, что он узнал, стало для него таким большим ударом, что потребовало неотвратимого наказания. Он верил, что поступает справедливо, причем верил всем сердцем.

— А что думаешь ты? — слегка улыбнулся Филипп. — Как сторонний наблюдатель?

— Похоже, я стал бездушным, — грустно вздохнул Уильям. — В этой плохой истории мне жалко только сына. Он же не виновен в том, что был рожден от другого отца. А в глазах купца он один из негодяев! Это все так непонятно, господин... Даже те бунтари, которые думали, что делают как лучше, сами обрекли на смерть от виселицы множество крестьян... Мир оказался таким... — Он замялся, не зная, как объяснить. — Таким, что, наблюдая его глазами других, я обнаруживаю, что белое видится некоторым черным, а черное — белым.

— Это не бездушие, — тепло посмотрел на рыбака Филипп. — Просто тебе открывается, что мир действительно весьма непрост. Что ты мог узнать о мире в своих Вардцах, кроме предрассудков? Ровным счетом ничего. Пару месяцев назад ты бы отчаянно жалел всех жертв Лугоса только потому, что они жертвы. А сейчас ты уже пытаешься добраться до истины, пусть и неуклюже. Ох, помнится, старина Гиффард всегда мог мастерски растолковать любую ситуацию.

Уильям промолчал. Он шел позади старого графа и касался сочащихся влагой стен. В голове мелькали воспоминания двух убитых, и рыбак от этого вздыхал.

— Знаете, господин... Я много думал о том, зачем Гиффард так поступил. Ну, передал дар...

— И?

— Я не могу ничего понять. Разве не нашлось кого-то поблагороднее? Ведь он мог постараться отползти, скрыться, раз уж бессмертен, и передать бессмертие кому-то другому.

Но отдать дар мне, простому рыбаку не из благородного рода... Кажется, он пытался мне что-то объяснить. Но я так жалею, что не услышал все до конца, — сказал Уильям, отчего-то чувствуя стыд.

— Я тоже постоянно думаю о том, что сделал Гиффард... — признался Филипп, а затем перевел неудобный разговор в другое русло: — Ну, если ты теперь глядишь на некоторые ситуации иначе, скажи-ка мне: будь у тебя возможность все изменить, ты оставил бы мать и убежал от вурдалаков, пока те тебя не истрепали?

— Нет! — последовал резкий ответ.

— Почему? Разве твоя жизнь, жизнь молодого мужчины, если смотреть объективно, не важнее жизни старой женщины, которой и так осталось от силы пару лет? Попробуй порассуждать об этом здраво. — Филипп развернулся и посмотрел Уиллу в глаза.

— Это же семья, господин! — пробормотал в ужасе Уильям. — Как можно даже рассуждать о том, чтобы предать своих близких ужасной смерти? Что это, как не предательство?

Граф Тастемара ничего не ответил и зашагал дальше. Вскоре ступеньки кончились, и двое вампиров поднялись из подвала. Брасо-Дэнто еще не тронул рассвет, и дождь продолжал заливать город, утопающий во мраке. Залы замка были пусты, многие слуги спали в своих постелях, и лишь конюхи заботливо готовили коней для господ.

* * *

Внизу собралась вся прислуга.

Пока остальные прятались в глубинах зала от проникающего между приоткрытых створок ветра, Уильям переминался с ноги на ногу около двери. На нем был надет черный гамбезон — длинная, до колен, и очень плотная верхняя одежда из нескольких слоев ткани. Увидев графскую дочь, он коснулся пояса, где были подвязаны пустые ножны, и тихо засмеялся:

— Не пойму, зачем мне ножны, если не дали меча.

— Тебе просто выдали один из перешитых под тебя костюмов отца. Снова эта воронья вышивка. Ну и ножны в придачу, — натянуто улыбнулась Йева.

— А почему ты тоже одета как в дорогу?

— Я поеду с вами, — опустила глаза девушка.

— Так это же замечательно! — обрадовался Уильям.

— Да... но погода совсем скверная. Может, лучше сейчас не ехать... Может, и не нужно ехать вообще... — Она прикусила язык, оборвала разговор и ушла.

Уильям непонимающе смотрел, как Йева отошла к своему брату и встала рядом, с наигранным интересом следя за Таки-Таки — ворон сипло каркал и требовал тепла.

В зал бодрым шагом вошел сэра Рэй Мальгерб. С него ручьями стекала вода. Снаружи продолжал биться в неистовстве ливень, пытаясь затопить замок, и многие присутствующие радовались, что остаются. Поприветствовав кого следует, рыцарь заметил обвитую плащом фигурку дочери графа и устремился к ней. Он со страстью припал губами к ее ручке.

— Откуда в вас столько сил? — с теплотой поинтересовалась Йева.

— Увидел вас, госпожа, сразу силы и появились! — Лицо рыжеволосого мужчины озарила улыбка, сверкнули белоснежные ровные зубы. — А до этого был как мокрая рыба, которую выбросило на берег! Но отчего вы сами в таком печальном расположении духа? Неужто из-за неподобающей погоды?

— Да, погода не располагает к поездке...

— Не располагает, дочь моя, но мы заложники ситуации, — сказал спускающийся по лестнице граф. — Сэр Рэй, все готово?

— Конечно, господин! — поклонился рыцарь, гремя доспехами. — Двенадцать гвардейцев, включая меня и моего оруженосца, готовы к отправлению!

Наступило время отправиться в путь.

Граф строго оглядел всю прислугу.

— Надеюсь, вы не развалите замок за время моего отсутствия, — обратился он к своим помощникам, хотя его синие глаза улыбались.

— Господин, да как вы так можете говорить про нас?! Мы ваши глаза и руки, а когда они вас подводили? — шутливо возмутился казначей Брогмот и снял с себя смешную шапочку с пером ворона.

— Я присмотрю за своим внуком... Сколько смогу... — старик Него скромно вышел вперед.

Филипп смерил взглядом бывшего управителя и вслушался в его трепыхающееся, как у воробья, сердце. Него Натифулус дышал с большим трудом и за пару дней сильно иссох: глаза и рот впали, скулы заострились, придав ему печальное сходство с трупом. Грустно улыбнувшись, граф подошел к старику и ласково приобнял его, погладив по спине. Толпа вокруг замерла в непонимании.

— Спасибо тебе за все, мой друг, — хрипло произнес граф.

— Все вы знаете и чувствуете, мой господин. — Измученная улыбка тронула губы Него. — Прощайте, господин. Я был рад служить вам!

Держась за поданную руку внука, бывший управитель отошел от графа и смахнул набежавшую слезу. Все поняли, о чем шла речь, и опечалились. Филипп развернулся и быстро ступил под дождь, а за ним последовали его дети и длинноногий Уильям. Понимая, что больше не увидит доброго старика, Йева не выдержала и мягкосердечно, по-женски расплакалась.

В большом дворе отряд из девятнадцати человек, семеро из которых были не совсем людьми, принялись взбираться на лошадей. Вороной конь графа, пугающий своими размерами, возбужденно бил копытом по земле, и Уильям настороженно косился на него. Но, к счастью, к нему подвели уже оседланную серую кобылку, самую спокойную из всех, отчего он выдохнул с облегчением.

— Сэр Рэй, выдайте нашему гостю оружие, — вспомнил уже восседающий в седле Филипп. — Негоже с пустыми ножами отправляться в путь!

— Да-да, вы правы, запомятовал! — извинился рыцарь и передал замотанный в ткань меч из оружейной палаты замка.

Уильям растерянно развернул мокрый сверток и осторожно вынул меч за рукоять, будто змею за хвост. Только со второго раза он смог попасть в тугие ножны, отчего всадники вокруг заулыбались. Все заметили его неумелость.

Сэр Рэй нахмурился.

— Вы что, впервые держите меч в руках? — спросил он. — Клинок рядом с гардой обычно не затачивают, так что могли бы спокойно взяться за лезвие.

Леонард громко рассмеялся. Он поправил притороченный к седлу лук и воскликнул, чтобы перекрыть шум дождя и донести до всех:

— Он больше по удочкам, сэр Рэй!

В толпе солров послышались грубые смешки.

— Довольно! — рявкнул граф и направил коня к воротам, где охрана уже поднимала железную решетку.

— Да, я раньше никогда не держал меч, — смущенно проворчал Уильям и мягко подтолкнул кобылку пятками.

Длинная вереница всадников покинула внутренний двор замка. И хотя по улицам зло устремлялись ливневые потоки, а черепичные крыши гремели от дождя, некоторые горожане выбегали на улицу наспех одетыми. Темно-зеленая попона с распростершим крыльями вороном украшала графского мерина, и когда люд узнавал ее, то по всей толпе прокатывался восторженный гул.

В авангарде двигались шесть человек сопровождения вместе с сэром Рэем и его оруженосцем. В центре был старший граф, за ним — его сын, а еще дальше, почти поравнявшись, ехали Йева и ерзающий в седле Уильям. Замыкали хвост гвардейцы и слуги: Эметта и двое замковых поваров.

Косой дождь лил без остановки, и отряд кутался в плащи, предчувствуя тяготы долгого пути. Резко налетевший ветер, разыгравшийся на равнине, как конь на воле, срывал капюшоны, поэтому приходилось их придерживать. Под копытами бурлили грязевые потоки. Отряд проехал по мощеной Парадной улице и покинул город. Всем открылся вырытый сбоку

от высоких ворот тотем Ямеса — выдолбленное в камне старческое лицо, грозно сдвинувшее брови.

Неумело управляя лошадкой, Уилл с любопытством взгляделся в это недовольное лицо, а затем заторопился, чтобы не мешать едущим позади. Всех остальных тотем мало интересовал.

Они двинулись по широкой дороге, пролегающей между жмущихся друг к другу поселений, через бесчисленные поля, где уже давно сняли урожай. Жирная черная земля сливалась с небом, и все вокруг выглядело уныло. Прижимаясь к гриве пытящей кобылки, Уильям кое-как разглядывал гвардейцев. Высокие, крепкие как на подбор, они облачались в сияющие нагрудники поверх подлатников, закрывающих колени. Головы их защищали легкие конусообразные шлемы в виде полумаски, а плечи — несколько пластин, укрепленных друг к другу внахлест. Поверх доспехов были надеты плащи черного цвета. Питая особую любовь к символу своих земель, ворону, воины украшали смоляными перьями все подряд, в том числе уздечки своих коней. Крепленные к седлам сбоку круглые зелено-черные щиты тоже несли на себе символ этой мудрой, по мнению солтров, птицы.

Видя повсюду перья своих братьев, ворон, ехавший под плащом Леонарда, недовольно закаркал:

— Перья! Негодяи!

Все вокруг рассмеялись, и ненадолго тягостное ощущение от непогоды рассеялось, чтобы вскоре стукнуться вновь. Обернувшись на удаляющийся город, Уильям вздохнул в предчувствии скорого разрешения своей судьбы. Несмотря на дождь и слякоть, он воодушевленно представлял, сколько же всего его ждет в пути. И вот, поерзав в седле с непривычки, он приготовился к долгой дороге.

* * *

Отряд находился в пути весь день. Дождь поутих только ближе к ночи. Гора, у которой лежал Брасо-Дэнто, осталась далеко позади, на северо-западе, а ее мрачный силуэт терялся

в сгущающихся красках наступающих сумерек. Перекусившим ячменными лепешками воинам хотелось нормально поужинать, покормить коней и улечься спать, поэтому на ночлег все остановились в попутном Ферранте. Наутро все, выспавшись, набрали в Ферранте провизию и отправились дальше по размытому тракту.

Уильям вывел свою серую кобылку из денника. Совершенно не умеючи, кое-как он оседлал ее и перебросил седельную суму через заднюю луку.

Из небольшого города они попали на широко раскинутый луг — из-за разлива реки он превратился в пойму. Из разговоров гвардейцев, которые часто выезжали с графом и потому знали все ближайшие окрестности, Уильям понял, что на протяжении нескольких дней им придется ночевать под открытым небом. День постепенно истончался, а тучи иной раз расходились — и тогда можно было скинуть капюшон и осмотреться. Впрочем, смотреть было особо не на что. Кони брели по приподнятой над землей дороге, а справа и слева от них раскинулись озера, в которых отражались хмурые тучи.

Когда стало темнеть, сэр Рэй подъехал к графу.

— Господин, впереди Белая Бетса, — сказал капитан. — Затем мост, а перед ним — высокий холм. Давайте остановимся на ночлег на этом холме, чтобы не спать в луже.

Граф не отвечал, рассматривая мутные речные воды.

— Если нет, то можно устроиться на ночлег и за мостом, — продолжил капитан, думая, что господина что-то не устраивает.

— Ждите здесь, — после минутных раздумий ответил Филипп. Затем он направился к волочащемуся в хвосте Уильяму. — Ну как, освоился в седле?

Уильям довольно кивнул.

— Хорошо, следуй со мной.

Без лишних слов Филипп движением пяток ускорил коня, который сошел с дороги и побрел по жухлой мокрой траве, порой проваливаясь по колено в грязную жижу. Чтобы не отставать, его спутнику пришлось ласково поторопить свою

серую кобылку, и она, повинуясь, затрусила следом. Чем ближе они подъезжали к реке, тем беспокойнее граф вглядывался в окрестности.

— Вы чем-то встревожены? — спросил Уильям.

— Это старая дорога, — ответил Филипп. — И осенью мало кто по ней путешествует, так что нужно быть настороже.

— Но в чем опасность, если нет людей?

— Тебе ли не знать, Уильям, — сказал граф, едва улыбаясь. Он подъехал к берегу реки и остановился. — Там, где нет людей, обязательно будет кто-нибудь другой. Многие демоны предпочитают первородные земли. Им не по нраву города и поля, а также наши сады. Нужно убедиться, что ничто или никто не выскочит на нас из реки.

Уильям тоже оглянулся. Они остановились на грязевом берегу крупной из-за паводков реки, которая обычно имела белую воду, за что ее и называли Белой Бетсой. Сейчас же вода была мутна из-за грязи, песка и ила, а вокруг раскинулись бескрайние равнины, где местами возвышались одинокие и чахлые деревца. Помимо скудной природы, здесь ничего не было, а если бы и было, то точно не осталось бы незамеченным.

— Вроде ничего страшного, — тихо заметил Уильям.

— Вроде да... — пристально взглянул на него граф.

Они начали возвращаться к поджидающей группе, и граф дал добро на бивуак. Пока гвардейцы занимались обустройством, Йева и Леонард, понимающие, зачем их отец отправился к Белой Бетсе в сопровождении рыбака, смотрели на него с нетерпением. Тот незаметно для молодого Уильяма пожал плечами: кельпи не появилась.

* * *

Ближайшие куцые деревья срубили, прислуга достала утварь и, с трудом разведя огонь на сильном ветру, поставила котелок на треножник. Внутри полетели лук, зерно для похлебки. Сидевшая на лежанке Эметта подшивала оторвавшуюся с плаща Леонарда фибулу, недовольно поджав губки: ветер трепал ее

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

